

Научная специальность

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

УДК 343.341.3

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.1.68>

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ АУЕ¹: ПОДВОДНЫЕ КАМНИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РЕШЕНИЯ

© Шиханов В. Н., 2021

Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Произведен анализ ожидаемых положительных и возможных отрицательных последствий реализации решения Верховного Суда РФ о запрете деятельности международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» в Российской Федерации (организация признана в Российской Федерации экстремистской). Рассмотрены возможные варианты уголовно-правовой оценки деятельности взрослых лиц, координирующих несовершеннолетних приверженцев этой субкультуры, правовой оценки сбора и хранения материальных и финансовых средств (так называемый общак), которые предназначены для финансирования деятельности движения «АУЕ» или его членов. Отдельное внимание уделяется вопросам правового воздействия на подростков, которые тем или иным образом привержены идеологии АУЕ. Обращено внимание на ряд вопросов, по которым необходимо выработать четкую позицию во избежание негативных побочных эффектов от применения норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса РФ. Среди таких последствий выделены риски драматизации зла и стигматизации с последующей поляризацией молодежи, чрезмерного расширения границ уголовной репрессии по идеологическим мотивам, рост настроений сочувствия или подражания тем, кого привлекают к уголовной ответственности за приверженность криминальной субкультуре. Сделан вывод о том, что открывшееся окно возможностей противодействия криминальной субкультуре необходимо использовать с большой осторожностью, чтобы не повторить тех ошибок и перегибов, которые ранее были допущены в вопросах противодействия экстремистской деятельности и ради устранения которых Генеральная прокуратура РФ совместно с Пленумом Верховного Суда РФ в сентябре 2018 г. были вынуждены существенно корректировать правоприменительную практику.

Ключевые слова: экстремистская организация, экстремистская деятельность, криминальная субкультура, уголовная политика, криминализация, стигматизация, драматизация зла.

17 августа 2020 г. Верховный Суд РФ удовлетворил административное исковое заявление Генерального прокурора России о запрете деятельности «международного общественного движения “Арестантское уголовное единство”»² (далее по тексту – АУЕ). В течение как минимум трех последних лет этому явлению уделялось очень много внимания в СМИ, в публикациях правозащитников, представителей правоохранительных органов, предлагались разные способы противодействия, один из которых теперь воплощен в жизнь.

Анализ этого решения позволяет утверждать, что оно является преимущественно выражением политики – правовой, но политики. Предлагаем обсудить его с позиции науки и некоторых перспектив правоприменительной практики.

Содержательно идеология АУЕ не является чем-то новым: криминальная романтика в нашей стране известна давно, сложился целый пласт культуры, который смог занять вполне определенную нишу даже в легальном сегменте литературы, эстрады, кинематографа. Практика сбора денег с подростков (школьников, студентов) для нелегального финансирования исправительных учреждений и преступников, находящихся на свободе, также возникла не в 2016 или в 2012 гг., а еще в XX в. С. Ф. Милюков и В. С. Овчинский достаточно убедительно описали устойчивость и даже цикличность таких проявлений криминального поведения подростков и молодежи [5].

Благодаря богатой истории молодежной общеуголовной преступности (как у нас, так и за рубежом) ей удалось уделить достаточное внимание как в криминологии, так и в других общественных, а также гуманитарных науках. Частные криминологические теории, рожденные из эмпирических исследований (субкультура, дрейфа, дифференцированной ассоциации,

¹ Организация запрещена в Российской Федерации.

² По иску Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Верховный Суд Российской Федерации запретил деятельность международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1886554/> (дата обращения: 13.09.2020).

стигматизации), описывают механизм поддержания криминальной субкультуры в молодежной среде, закономерности ее распространения в определенных общественных стратах и даже географически [2, с. 100–115, 118–123]. Исследования культурологов, социологов и социальных психологов, посвященные социальным сетям и интернет-коммуникациям, проблематике «недостаточной отраженности», образов, симулякров, позволяют отделять популярность интернет-ресурсов об АУЕ среди «домашних» подростков от реальных отношений, существующих в неблагоприятных слоях населения, и реальных криминальных практик среди подростков, которые проводят основное время не дома во «ВКонтакте», а на улице.

С другой стороны, полемика об АУЕ, которая попала в поле зрения СМИ, а также целый ряд дебатов в научных кругах позволяют говорить, что в России этот дискурс оказался в большей степени эмоционально перегруженным. Рациональные аналитические доводы обычно дезавуируются с помощью отдельных примеров криминального поведения подростков или сложившихся норм криминальной субкультуры, а также за счет так называемой сильной риторики – с использованием категорий «повышенная общественная опасность», «угроза национальной безопасности», оборотов «очень страшно», «криминальная среда забирает самых лучших и самых талантливых»¹ и т. п.

В итоге выбор в пользу признания АУЕ экстремистской организацией (вместо других вариантов реакции на проблему) в условиях сложившегося контекста стал вполне закономерным².

Криминализация АУЕ путем объявления ее экстремистской организацией может быть представлена как выгодное решение, поскольку оно позволяет добиться положительных результатов по целому ряду направлений. Во-первых, создаются условия для существенного ограничения всяких процессов распространения символики и иных элементов криминальной субкультуры в сети Интернет для того, чтобы «загнать» эти процессы, что называется, в подполье.

Во-вторых, правоохранительные органы получают возможность привлекать к уголовной ответственности «кураторов» молодежных

групп криминальной направленности (например, из числа совершеннолетних ранее судимых лиц). Существовавшие ранее возможности ст. 150 УК РФ были весьма ограниченными, так как требовалось установить и доказать весьма специфическое деяние (вовлечение несовершеннолетнего), причем в привязке к конкретному преступлению³, а не «к криминальному образу жизни вообще» [4, с. 5]. Эти лица теперь могут быть признаны организаторами деятельности экстремистской организации (ч. 1 ст. 282² УК РФ) – общественного объединения, в отношении которого вступило в силу решение суда о запрете его деятельности в связи с признанием экстремистским.

В-третьих, к уголовной ответственности можно будет привлекать лиц, осуществляющих сбор средств для нужд таких групп, предоставляющих средства таким группам (в так называемый общак), а также и держателей собранных таким образом средств. Все это будет охватываться финансированием экстремистской деятельности или руководством деятельности экстремистской организации (ст. 282³, 282² УК РФ)⁴. Да и сами эти средства можно будет конфисковать на основании обвинительного приговора суда в соответствии с подп. «а», «б», «в» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ.

Вместе с тем комментируемое политико-правовое решение столь специфично, что слишком буквальное, прямолинейное его исполнение может создать существенные проблемы вместо ожидаемых положительных результатов.

Первое. Семантически «экстремизм» воспринимается как приверженность к крайним взглядам с насильственными способами претворения в жизнь своего мировоззрения, как стремление к изменению существующего общественного уклада. Воровские понятия и криминальная субкультура не несут в себе признаков идеологии социальной борьбы, не призывают к захвату власти в стране, даже насильственному. Культ силы, наглости, пренебрежения к закону, несомненно, есть. Но насколько этого достаточно, чтобы ставить знак равенства именно с экстремизмом? Конечно, *de jure* возможно все: почему бы и не изменить содержательную сторону существующих категорий. Вместе с тем такое

¹ Стенограмма заседания от 08.12.2016 // Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации. URL: <http://president-sovet.ru/events/meetings/read/13/> (дата обращения: 10.10.2020).

² Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/541/> (дата обращения: 10.10.2020); Путин пообещал рассмотреть меры по противодействию влиянию на детей тюремной субкультуры. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3854196> (дата обращения: 10.10.2020).

³ Абз. 3, 4, 6 п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/documents/own/8276/> (дата обращения: 10.10.2020).

⁴ Пункты 20 и 221 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/documents/own/8255/> (дата обращения: 10.10.2020).

фривольное использование термина «экстремизм» делает эту и без того проблемную правовую категорию слишком аморфной и к тому же оторванной от фактической правовой культуры нашего общества. Это препятствует процессам легитимации уголовного закона и практике его применения.

Второе. Подавляющее большинство некоммерческих организаций, которые признаны в России экстремистскими¹, имели (имеют) организационную структуру, органы управления или координации, планирования, механизмы финансирования. В отличие от них АУЕ таких органов и механизмов не имеет и не может быть признано даже относительно централизованной структурой. Речь на самом деле идет о субкультуре, носителями которой являются – реально или напоказ – отдельные группы и люди (не все из них совершали преступления). Конечно, часть таких граждан в дальнейшем становится кадровым резервом для организованной и профессиональной преступности, однако суть от этого не меняется.

Если исходить из таких фактических посылок, то можно было бы признать, что ст. 282² УК РФ не может применяться для приверженцев АУЕ – некоммерческой организации ведь на самом деле нет и доказывать наличие организационной структуры, а также направленность действий участников на ее восстановление (после запрета ее деятельности судом) при таких фактических данных крайне сложно.

В судебной практике имеются примеры привлечения к ответственности приверженцев АУЕ, однако по другой статье уголовного закона – ст. 282¹ УК РФ об организации экстремистского сообщества. Структура этого сообщества состояла из одного лидера и двух участников, занимавшихся размещением информационных материалов криминальной воровской направленности и торговлей предметами с символикой АУЕ (доход составил порядка 110 тыс. руб.)². Однако экстремистское сообщество как юридическая категория обладает существенной спецификой, не признается некоммерческой организацией (так как это разновидность организованной группы, упоминаемой в ч. 3 ст. 35 УК РФ), а потому как раз и не требует запрещения ее деятельности судом – в отличие от экс-

тремистской организации. В рассматриваемом случае на момент совершения инкриминируемых деяний само АУЕ еще не было признано экстремистской организацией, а потому квалификацию содеянного по ст. 282¹ УК РФ можно считать тактическим обходным маневром.

С другой стороны, 17 августа 2020 г. Верховным Судом юридически признано существование некоммерческой организации (общественного движения) «АУЕ». Возникла юридическая фикция, а значит, доказывать ее существование и наличие некоей организационной структуры теперь не требуется. В соответствии с п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»³ достаточно будет установить: а) факт совершения действий, которые можно назвать организационно-управленческими либо действиями участника (сбор единомышленников, обсуждение общих тем, явку к местам сбора, участие в обсуждении общих тем, совершение действий в общих интересах, вплоть до приискания продуктов питания), и других организаторских действий; б) приверженность криминальной субкультуре (специфический жаргон, негативное отношение к легальному закону и правоохранительным органам, оперирование криминальными понятиями и т. п.); в) осознание лицом того обстоятельства, что оно входит в группу лиц, которые придерживаются мировоззрения с криминальной (воровской) романтикой под названием «АУЕ».

Планирования, подготовки или совершения преступлений для квалификации содеянного по ст. 282² УК РФ не требуется. В результате подростки, которые являются представителями АУЕ исключительно с позиции Instagram и не собираются идти дальше знаков и слов, вполне могут оказаться *de jure* участниками экстремистской организации. Но в таком случае – если подходить формально и буквально – охват криминализации может оказаться очень большим и создавать ощущение избыточности уголовной репрессии, вызывать мощные процессы стигматизации в обществе.

Обратим внимание на то, что в социальных сетях обнаруживается огромное количество групп и ресурсов, посвященных тематике АУЕ. Их подписчиками стали более 6 млн человек, почти треть из которых с высокой долей вероятности являются несовершеннолетними.

¹ Перечень НКО, ликвидированных в соответствии с федер. законом «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 13.09.2020).

² В Свердловской области вынесен приговор по уголовному делу в отношении организатора и участников экстремистского сообщества АУЕ // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1889166/> (дата обращения: 17.09.2020).

³ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/documents/own/8255/> (дата обращения: 10.10.2020).

Отдельные видеоматериалы имеют миллионы просмотров, разобраны на фрагменты и цитаты [3, с. 46–48]. Тем не менее всплеска преступности несовершеннолетних не наблюдается. Отдельные примеры, несомненно, настораживают, однако они не снимают вопроса об отсутствии негативных массовых процессов в молодежной среде.

В этих условиях для привлечения подростков к уголовной ответственности крайне важно отграничивать любопытство или желание виртуально примерить какие-то бунтарские черты характера от реального выбора криминального направления своего жизненного пути.

Теория дифференцированной ассоциации в интерпретации Р. Айкерса вполне удовлетворительно объясняет наблюдаемые сейчас процессы распространения субкультуры АУЕ при отсутствии всплеска преступности среди несовершеннолетних: у большинства подростков не происходит дифференцированной идентификации с реальными преступниками [2, с. 158–159], они не желают на самом деле повторять их судьбу, а потому придерживаются только внешних атрибутов. Иными словами, линейного заражения криминальной субкультурой (подобно инфекциям) не происходит, механизм работает иначе.

В результате любопытство и виртуальные болезни возраста пройдут, а вот судимость за экстремистское преступление может стать непреодолимым препятствием для нормальной социализации бывших интернет-приверженцев АУЕ.

Наблюдения за социализацией подростков поселков городского типа и городских районов, в которых символ «парень» неразрывно связан с проявлениями маскулинности и рискованности, подтверждают этот тезис: прослушивание шансона, семечки, кепки-восьмиклилки, спортивный костюм с туфлями и т. п. атрибуты, и даже драки со сверстниками сами по себе не определяют будущее в качестве преступного. Теория стигматизации во многом возникла благодаря таким наблюдениям. Поскольку они имели пролонгированный характер и явились представительной базой для теоретических обобщений [1, с. 171; 2, с. 231, 234], постольку их нельзя отбрасывать в сторону в угоду тем предположениям, которые хотя и кажутся логичными, но не были подкреплены надежной эмпирикой.

Значит, применять средства уголовно-правового воздействия к носителям субкультуры АУЕ, к участникам тематических виртуальных групп нужно крайне вдумчиво.

Третье. Превентивная составляющая запрета АУЕ в качестве экстремистской некоммерческой организации является весьма ограниченной.

Во-первых, было бы наивным полагать, что благодаря рассматриваемому политико-правовому решению криминальная романтика в российском обществе сойдет на нет. Элементы этой субкультуры очень распространены в нашем обществе, в особенности на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и на юге России, где они являются частью репрезентативной культуры широких народных масс (преимущественно нижняя часть пирамиды социальной стратификации, многочисленная). Да и само это явление с вековой историей имеет своей причиной отнюдь не «правовую незамеченность» со стороны государства. Механизмы передачи криминальных мировоззренческих установок от взрослых к несовершеннолетним существуют, но основаны они на отсутствии удовлетворительных социальных лифтов, недоступности декларируемых в обществе символов успеха при использовании фактически имеющихся средств, отчего группы исключенных вырабатывают собственные системы ценностей, переозначивают социальные явления и символы успеха/фиаско.

Во-вторых, тот, кто на самом деле придерживается такого мировоззрения и решил связать свой жизненный путь с общеуголовной преступностью, не особенно и боится уголовной ответственности, а назначить несовершеннолетнему реальное лишение свободы за участие в деятельности экстремистской организации либо за финансирование экстремистской организации крайне затруднительно. Заметим также, что официальная запрещенность криминальной субкультуры АУЕ может обострять чувство риска, противостояния с правоохранительными органами, что является катализатором вполне понятных и совершенно нежелательных процессов в молодежной среде.

Исследования З. Фрейда [6, гл. V] и его последователей, а также Э. Фромма [7, с. 119–130] позволяют утверждать, что группы людей, получив обозначение конкретного врага вовне, часто демонстрируют усиление внутренней солидарности (внутри самой группы конфликтов становится меньше) с переносом агрессии в направлении враждебных сил.

Правовая политика, опирающаяся на усиление процессов стигматизации и поляризацию общества (по схеме: мы хорошие против них плохих), допустима, когда государство пытается маргинализировать и нейтрализовать сравнительно небольшие по распространенности явления, процессы и пораженные ими социальные группы. Увы, криминальная романтика

в нашем обществе не относится к малораспространенным явлениям.

По всей видимости, устрашающее превентивное влияние с помощью признания АУЕ экстремистской организацией можно оказать на тех, кто является тем самым интернет-сегментом этой субкультуры. Однако эти лица в подавляющем большинстве не усложняли криминогенный фон, не вовлекали других лиц в совершение общеуголовных преступлений.

Получается, что лица с реальной криминальной направленностью могут получить дополнительный признак для осмысления себя как социальной силы, возможность проявить смелость перед лицом правоохранительных органов, а те, кто дальше картинок и аватаров идти не готов, – вероятность получить судимость за свой образ в медиапространстве.

По всей видимости, драматизируя зло, государство должно теперь подключить достаточные инструменты [3, с. 50–51], чтобы показать молодежи депрессивных регионов позитивные и достижимые для них символы успеха, а также доступные социальные лифты и не перекрывать их чрезмерной стигматизацией. Иными словами, необходимо продумать механизмы экономики уголовной репрессии и мер административной ответственности, чтобы включенность в криминальную субкультуру по причине рождения и проживания в депрессивных районах (где это является практически нормой), а равно интерес к криминальной романтике в Интернете не стали клеймом на всю жизнь.

Разумеется, мероприятия правового, экономического и социального характера сложны, требуют финансовых вливаний и не окупятся в краткосрочной перспективе, отчего могут показаться непривлекательными. Это, однако, будет не самым лучшим сценарием.

Четвертое. Достаточно быстро обнаружилась сложность проведения границ, по которым можно было бы отличать идеологию АУЕ от других вариантов романтизации преступного образа жизни. А ведь это и песни (весьма известных исполнителей, например А. Розенбаума, В. Высоцкого и др.), и книги, и фильмы.

Некоторые высказывания на этот счет уже состоялись, и в целом они очерчивают два основных полярных подхода, каждый из которых в своем рафинированном выражении таит в себе опасность.

Первый подход – узкий, в соответствии с которым проявлением экстремистской идеологии АУЕ следует считать только случаи прямого использования этой аббревиатуры и разных вариантов ее расшифровки. Следует, однако,

заметить, что под запрет попала не аббревиатура, а определенный тип субкультуры, вариации которой можно объединить под обозначением «АУЕ». Следовательно, столь узкий подход скомпрометирует всю идею столь громкого решения, а у населения сформируется впечатление о показном характере проводимой уголовной политики.

Второй – широкий – подход способен оголить проблемы ресурсов. Правоохранительные и контролирующие органы уже сейчас работают на пределе возможностей и не смогут бросить достаточные силы на привлечение к ответственности всех, говорящих на жаргоне, слушающих блатные песни (а их миллионы), сидящих на улице на корточках, одобряющих совершение краж, вымогательств и грабежей, негативно относящихся к потерпевшим и к сотрудникам правоохранительных органов. В этих условиях правоохранительные органы, скорее всего, станут применять нормы административного и уголовного законодательства выборочно: в резонансных случаях, для формирования определенного объема показателя, а также при необходимости усугубить правовое положение определенных лиц.

Но если запрещенное явление останется элементом повседневности, реакция на которое носит эпизодический и выборочный характер, то репутации государственного аппарата будет нанесен непоправимый урон, государство и право будут утрачивать легитимность в обществе.

Очевидно, нужен взвешенный подход по поиску границ, отделяющих именно экстремистскую субкультуру и идеологию, называемую термином «АУЕ», от других вариантов романтизации криминального образа жизни, которые весьма распространены в обществе и могут считаться терпимыми (малозначительными) в нынешних условиях.

Как бы то ни было, решение состоялось. Однако полагаем, что его реализация требует четкой определенности по целому ряду важных нюансов и умного, очень аккуратного правоприменения, чтобы избежать тех проблем, которые прежде сопутствовали практике противодействия экстремизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иншаков С. М. Зарубежная криминология : учеб. пособие, 2-е изд. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 383 с.
2. Комлев Ю. Ю. Теории девиантного поведения : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алеф-Пресс, 2014. 221 с.
3. Маркова Н. С., Бычкова А. М. Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически зна-

чимая проблема в контексте кризиса культуры современности // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. С. 43–53.

4. Пудовочкин Ю. Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы // Пенитенциарная наука. 2012. № 19. С. 4–8.

5. Сулим А. Что такое АУЕ и стоит ли его опасаться // Медуза. URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/20/что-такое-аue-i-stoit-li-ego-opasatsya> (дата обращения: 13.01.2021).

6. Фрейд З. Психоаналитические этюды // RoyalLib. URL: https://royallib.com/read/freyd_zigmund/psihoanaliticheskie_etyudi.html#419316 (дата обращения: 13.01.2021).

7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. М. : Аст, 2004. 635 с.

REFERENCES

1. Inshakov S.M. *Zarubezhnaya kriminologiya : uchebnoe posobie dlya vuzov* [Foreign criminology: a textbook for universities] / S.M. Inshakov, 2-e izd. Moscow, YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2003, 383 p. (in Russian)

2. Komlev Yu. Yu. *Teorii deviantnogo povedeniya : uchebnoe posobie. 2-e izd., ispr. i dop.* [Theories of deviant behavior: a tutorial. 2nd ed., Rev. and add] St. Petersburg, Alef-Press, 2014, 221 p. (in Russian)

3. Markova N.S., Bychkova A.M. Kriminal'naya subkul'tura v molo-dezhnoj srede kak kriminologicheski znachimaya problema v kontekste kri-zisa kul'tury sovremennosti [Criminal subculture in the youth environment as a criminologically significant problem in the context of the crisis of modern culture]. *Prolog: zhurnal o prave* [Prologue: Journal of Law], 2020, no. 3, pp. 43–53. (in Russian) DOI: 10.21639/2313-6715.2020.3.6

4. Pudovochkin Yu.E. Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya: novye resheniya i novye problemy [Involvement of a minor in the commission of a crime: new solutions and new problems]. *Penitenciar'naya nauka* [Penitentiary science], 2012, no. 19, pp. 4–8. (in Russian)

5. Sulim A. *CHto takoe AUE i stoit li ego opasat'sya* [What is AUE and is it worth it to be afraid] // Meduza. Available at: <https://meduza.io/feature/2017/06/20/что-такое-аue-i-stoit-li-ego-opasatsya> (date of access: 13.01.2021). (in Russian)

6. Freyd Z. *Psihoanaliticheskie etyudy* [Psychoanalytic studies] // Royal-Lib. Available at: https://royallib.com/read/freyd_zigmund/psihoanaliticheskie_etyudi.html#419316 (date of access: 13.01.2021). (in Russian)

7. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness] / per. s angl. E.M. Telyatnikova, T.V. Panfilova. Moscow, Ast, 2004, 635 p. (in Russian)

Criminalization of AUE: the Pitfalls of the Enforcement of the Decision

© Shikhanov V. N., 2021

The article analyzes the expected positive and possible negative consequences of the implementation of the decision of the Supreme Court of the Russia to ban the activities of the international public movement "Prisoner criminal unity" in the Russian Federation. The organization is recognized as extremist. The author considers possible options for criminal-legal assessment of the activities of adults who coordinate minor adherents of this subculture, legal assessment of the collection and storage of material and financial resources (the so-called "obshchak"), which are intended to finance the activities of the "AUE" movement or its members. Special attention is paid to the issues of legal influence on teenagers who are in one way or another committed to the "AUE"-ideology. Based on criminological theory and practice, the author draws attention to a number of issues on which it is necessary to develop a clear position in order to avoid negative side effects from the application of the norms of the Code of the Russia on administrative offenses and the Criminal code of the Russian Federation. Among these consequences, the risks of dramatization of evil and stigmatization with subsequent polarization of young people, excessive expansion of the boundaries of criminal repression for ideological reasons, and an increase in the mood of sympathy or imitation for those who will be brought to criminal responsibility for adhering to the criminal subculture are highlighted. According to the author, the window of opportunities for countering the criminal subculture should be used with great care, so as not to repeat the mistakes and excesses that were previously made in countering extremist activities and for the sake of eliminating which the Prosecutor General's office of the Russian Federation, together with the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, in September 2018, were forced to significantly adjust law enforcement practice.

Keywords: extremist organization, extremist activity, criminal subculture, criminal policy, criminalization, stigmatization, dramatization of evil.